

УДК 81:811.16

ОСОБЕННОСТИ КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫХ ПОБУДИТЕЛЬНЫХ КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ)

Маслова А. Ю.

*Филологический факультет, Национальный исследовательский Мордовский государствен-
ный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск, Республика Мордовия, Российская Федерация
E-mail: al_mas@mail.ru*

В статье рассматривается проблема косвенного выражения побудительной интенции. Побуди-
тельные косвенные речевые акты являются наиболее яркой и наглядной иллюстрацией механизма скры-
того воздействия на коммуниканта с целью достижения акционального, ментального или эмоционально-
го перлокутивного эффекта. В статье на примере конвенциональных речевых актов в форме вопроса и
утверждения анализируются способы имплицитного побудительного воздействия в русском, сербском и
болгарском славянских языках в сопоставительном аспекте.

Ключевые слова: косвенный речевой акт, конвенциональный речевой акт, вопрос, утверждение.

ВВЕДЕНИЕ

Побудительные косвенные речевые акты (далее КРА) в терминологии прагма-
лингвистики являются одной из разновидностей непрямой коммуникации и составля-
ют значительный пласт коммуникативно-прагматического структурного компонента
категории побудительности.

Рассмотрение конвенциональных речевых актов (далее РА) требует разъясне-
ний терминологического характера, поскольку в исследованиях прагмалингвистиче-
ской направленности нередко отсутствует четкое разграничение явлений, подразуме-
ваемых под понятием «конвенция». В поле зрения исследователя могут находиться
языковые конвенции, конвенции языкового употребления, межличностные конвенции
(договоренность), социокультурные конвенции.

В настоящей статье предметом рассмотрения являются РА, конвенциональные
в отношении языкового употребления в русском, сербском и болгарском славянских
языках. Они не идиоматичны в грамматическом смысле, но узуальны; как отмечает
М. Л. Макаров, опривычены, обычны для употребления в повседневной речи, всегда
характеризующейся определенной долей ритуализации [2].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Типология вопросительных КРА

В русском языке типичным примером конвенциональных КРА является упо-
требление вопроса с отрицанием в качестве просьбы. Носителю русского языка впол-
не привычны формулы вежливой просьбы: – *У вас нет...?* – *Не могли бы вы...?* – *Вы
не скажете...?* – *Не будете ли вы так любезны...?*

Употребление отрицания отчасти объясняется правилами вежливости, отчасти
спецификой РА просьбы, в котором адресант стремится посредством отрицания обо-

значить свою зависимость от адресата, как бы оставляя за последним возможность отказа в выполнении просьбы.

Подобные конструкции не характерны для регулярного использования в южнославянских языках, хотя возможны: *Не бисте ли могли...* / *Не бихте ли могли...* Следует отметить, что если в русском языке вопросительно-отрицательная конструкция является выражением подчеркнуто вежливой просьбы, то в сербском языке отрицание в подобных конструкциях может подчеркивать дистанцию между коммуникантами или официальный характер их общения: *Не бисте ли затворили врата?* (наряду с более нейтральным вопросом *Да ли бисте затворили врата?*) (см. [1]).

В вопросах с отрицанием во 2-м л. глагол **мочь** маркирует конвенциональный КРА вежливой просьбы:

– *А ты не можешь ко мне заглянуть?... По старой памяти (Каверин).*

В 1-м л. глагол **мочь** с отрицанием используется, как правило, в КРА предложения:

– *Я приехал, чтобы спросить, не могу ли я чем-нибудь помочь вам? (Каверин).*

В славянских языках в подобной ситуации также функционируют вопросы с глаголом *моћи / мога*. Однако в соответствии с русскими отрицательными конструкциями предпочтение отдается конструкциям без отрицания:

Можете ли ми помоћи? / Можете ли да ми помогнете? / Да ли бисте могли да ми помогнете? (В статье примеры подаются в следующем порядке: на русском языке/ на сербском/ на болгарском.)

Можете ли да ми помогнете? / Бихте ли могли да ми помогнете?

В сербском языке при наличии в вопросительно-отрицательной конструкции модальных глаголов отрицание придает высказыванию фамильярный характер: (*Не бисте ли могли да померите часове? Не би ли то хтела да поновиш?*) (см. [4]). Если речь идет о просьбе, удовлетворение которой не отвечает интересам адресата, отрицание вносит дополнительный оттенок укора или упрёка: *Не би ли могло мало тише?*

Вопрос с глаголом **мочь** без отрицания в русском языке в большей степени ориентирует на запрос информации о возможности совершить действие, нежели на просьбу, тогда как в сербском и болгарском языках используемые конструкции с сослагательным наклонением или глаголом *моћи / мога* в личных формах настоящего времени изначально опознаются как просьбы. Сравним:

<i>Вы можете подвезти меня? (разг.).</i>	<i>Можете ли ме повести? (разг.).</i>
<i>Могли бы вы прислать мне механика? (разг.).</i>	<i>Можете ли да ми изпратите механик? (разг.).</i>

В вопросах, не содержащих отрицания, маркеры *Могу я? Можно?* ставят акцент на испрашивании разрешения:

– *Можно водички? Во рту что-то пересохло (Катериничев).*

– *Могу я поговорить с Марком Захаровичем? (Катериничев).*

Таким образом, в вопросах, не содержащих отрицания, маркеры *Могу я? Можно?* в сочетании с перформативным инфинитивом могут демонстрировать функциональный эквивалент перформативного высказывания:

– А знаете что... **Могу я вас попросить** посмотреть некоторые мои работы? (Катериничев).

Подобный тип вопроса, согласно терминологии И. Б. Шатуновского [5], можно трактовать как потенциально компрессированную цепочку РА, выражающих просьбу, причем конвенционального характера: – *Можно?* <Если можно, то **дайте**.> – *Можно поговорить?* <Если можно, то **пригласите**.>

В случае кооперативного общения адресат, как правило, реагирует на компрессированное звено и выполняет действие. Вернемся к рассмотренным примерам. Адресат согласен выполнить просьбу и предлагает лучший вариант:

– *Можно водички? Во рту что-то пересохло.* – *Может, лучше коньяку?* (Катериничев).

– *Можеш ли нам помоћи, куме, да направимо једну свадбу? **Направићемо свадбу** каква одавно није виђена!* (Ковачевић).

*Можеш ли да ми дадеш молива? **По-добре** вземи писалката, ето ја (разг.).*

В случае отказа адресат объясняет его причину, как правило, объективного характера: – *Могу я поговорить с Марком Захаровичем?* – *Вы не сможете с ним поговорить.* – *Он заболел?* – *Нет. Он умер* (Катериничев).

При конфликтном общении адресат реагирует на вопрос именно как на испрашивание разрешения:

– *Можно мне узнать, что случилось (= объясните, расскажите)?* – **Нельзя, освободите помещение** (разг.).

– *Молим вас, смем ли за тренутак да вас прекинем <...>* – **Само да завршим: ја немам две земље, ко ти** (Ковачевић).

Мога ли да ви попитам нешто? Нямам време за разговори (разг.).

К подобным потенциально компрессивным цепочкам РА конвенционального характера можно отнести этикетное использование императивов *Извините? Простите?* в форме вопроса. Именно вопрос является сигналом непонимания адресатом сообщаемой информации и одновременно косвенной просьбой пояснить посылаемое высказывание. Приблизительно это может означать следующее: «Простите, но я вас не понимаю. Не могли бы вы пояснить, что имеете в виду?»

– *О чем вы собираетесь разговаривать с сэром Джоном?* – *О птичках.* – **Простите?** – *Русская идиома. Я не знаю, о чем мы будем разговаривать с сэром Джоном* (Катериничев).

В сербском и болгарском языках в аналогичной ситуации используется глагол *молити* в форме 1-го л. наст. вр. (*Молим?*), а также в ситуации переспроса, уточнения услышанного.

*Карте на преглед, **молим!** Вашу карту, **молим!** Младићу, **молим Вас**, покажите возну карту! Возну карту, **молим!** **Молим!** **Нема шта да молиш**, покажи возну карту! (Станишић)* данная ситуация иллюстрирует разные функции перформатива *молим*: от этикетного маркера, эквивалентного русскому *пожалуйста*, перформативного высказывания, эквивалентного русскому *прошу Вас* в целях актуализации внимания собеседника на реализации интенции до неперформативного функционирования глагола *просить* в последней реплике. Ответная реакция молодого человека иллюстрирует этикетное употребление *молим* в целях переспроса и вежливой реакции. По-

следняя реакция контролера строится на обыгрывании употребления этикетного маркера в прямом смысле перформативного глагола, поскольку, употребляя этот маркер, молодой человек реагирует неадекватно.

Отчасти подобная ситуация воспроизводится в болгарской иллюстрации, когда адресант распознает неискреннюю реакцию адресата, прикрытую этикетным маркером переспроса. В последней реплике перформативный глагол субстантивируется, выполняя эмотивную функцию:

Ти пак ли почваш, ма? Моля? <...> Аз ще ти дам едно моля! креснала оная. На Богородица ще ми се правиш, урусия такава! (Топалов).

Напомним, что глагол *молити* / *моля* в сербском и болгарском языках буквально переводится *просить* и является перформативным:

<i>Веома Вас молим... (разг.).</i>	<i>Очень Вас прошу... (разг.).</i>
<i>Моля да проверите изправността на капака (разг.).</i>	<i>Прошу вас проверить работу капота (разг.).</i>

Вопрос как конвенциональный КРА возможен при выражении предложения. Легко опознаваемыми в таком значении являются вопросительные конструкции с модальным маркером *хотеть* / *хтети* / *искам*:

– *Хотите, я подарю вам эту пластинку? – О нет! – с удивлением воскликнул Кошкин. <...> Не только это неожиданное предложение – многое в этот вечер показало Петру Андреевичу странным (Каверин).*

– *Хочешь, я сварю кофе? (Рыбаков).*

– *Хоћеш да те учим српски? (Лазаревић).*

– *Нека да говорим за нешто друго. Искате ли? (Ангелов).*

В русском языке, замещая побудительную частицу *давай(те)* (ср. *Давайте, я подарю... Давай, я сварю...*), глагол *хотеть* подчеркивает признание ролевого приоритета адресата в ситуации общения; адресант сигнализирует, что выступает инициатором действия в интересах адресата и при этом оставляет право выбора или явную возможность отказа за последним.

Форма этого глагола с отрицанием (в сослагательном или изъявительном наклонениях) в русском языке делает предложение более мягким и вежливым: *Не хотите (вы не хотели бы) пообедать с нами?*

В сербском языке отрицательные конструкции не функционируют, а глагол *хтети* в силу своей семантики и грамматической функции образовывать будущее время может служить причиной интерференции. Как вспомогательный глагол он используется в конструкциях, аналогичных русским:

<i>Хоћете ли нам се придружити? (разг.).</i>	<i>Не хотели бы пойти с нами? (букв.: Вы пойдете с нами?) (разг.).</i>
<i>Вечерас ћемо имати забаву. Хоћете ли доћи? (разг.).</i>	<i>У нас будет вечеринка. Вы не хотите прийти? (букв.: Вы придете?) (разг.).</i>

При восприятии подобных сербских конструкций носителями русского языка придание семантической значимости глаголу *хтети* не препятствует точной интерпретации речевой ситуации. В случае изменения грамматического лица воспроизведение глагола *хтети* как семантически значимого становится невозможным. В противном случае исказится смысл высказывания:

<i>Хоћемо ли вечерас попиту чашицу вина? (разг.).</i>	<i>Может, выпьем по стаканчику вина? / *Хотим мы выпить по стаканчику вина? (разг.).</i>
---	--

Незнание модели конвенционального РА вежливой просьбы, который также использует форму будущего времени, приводит к неверному пониманию намерения адресанта:

<i>Молим вас, хоћете ли нас сликати? (разг.).</i>	<i>Сфотографируйте нас, пожалуйста (разг.). / *Хотите нас сфотографировать? Не хотите ли нас сфотографировать?</i>
---	--

В русском языке посредством эллипсиса подобных конструкций оформляется конвенциональное косвенное предложение в случае экспликации предлагаемого объекта. Сравним: *Хочешь, я сварю тебе кофе?* – *Хочешь кофе?* – *Кофе?*

– *Приготовьте шерри и двойной бурбон. Кофе?* – спросил он Олега. – *Пожалуй (Катериничев).*

– *Очигледно да мој господин ових дана претерује у галантности <...> – Цигарету? (Капор).*

Однако в сербском языке подобные конструкции функционально не активны. Они заменяются конвенциональным для сербского языка КРА предложения *Жесте ли ви за кафу?* или вопросом-осведомлением о желании адресата *Желите ли кафу?*, который имеет эквивалент в русском языке, содержащий оттенок официальности при использовании глагола *желать* в ситуации предложения (*Не*) *желаете ли кофе?*

В болгарском языке наиболее употребительны конструкции с глаголом *искам*, обладающим широким интенциональным спектром: хотеть, желать, требовать, домогаться, которые функционально эквивалентны вышеуказанным русским и сербским конструкциям: (*Не*) *желаете ли кофе? / Желите ли кафу? / Искате ли кофе?*

– *Искате ли да потанцуваме? (Ангелов).*

– *Нека да говорим за нешто друго. Искате ли? (Ангелов).*

Такие конструкции также можно отнести к вышеописанным компрессивам *если желаете, то, пожалуйста, получите, возьмите* и т. п. В таком аспекте эти вопросы-предложения представляют собой конвенциональный побудительный КРА, поскольку очевидно намерение адресанта не только осведомиться у адресата о его желании, но и совершить действие в интересах последнего.

В русском языке в подобных ситуациях характерно использование деминутивов, которые являются коммуникативно мотивированными:

Олег выпил и набросился на еду. <...> – Теперь – медку? Под чаек? (Катериничев).

*– Или – бог с ними, с формальностями? **Стаканчик бренди** для храбрости? И – излагайте свое дело! (Катериничев).*

*– **Чайку?** – спросила Раиса <...> – **Кофейку?** Или сама поставишь? (Устинова).*

В силу своего богатого семантико-прагматического потенциала деминутивы легко приспособляются говорящим для реализации своих намерений, связанных с выражением эмотивного состояния. В данном случае говорящий заинтересован в доброжелательности и максимальной открытости адресата. Следовательно, передавая ему посредством деминутива информацию о своем доброжелательном отношении, говорящий пытается воздействовать на эмоциональное состояние адресата. КРА оказывается прагматически многослойным, в условиях которого на имплицитно выраженную интенцию директива накладывается когнитивная интенция эмоционально-оценочного дискурса.

Как конвенциональное косвенное предложение в русском языке опознается отрицательно-вопросительная конструкция **почему бы не + инфинитив глагола**, обозначающего рекомендуемое действие. Как отмечает Е. Н. Москаленко, использование наречия *почему* в таких моделях придает высказыванию особый оттенок: говорящий знает, что нет особых причин для невыполнения действия, просто собеседник воздерживается, не выполняет данное действие: – *Иногда у него возникали и свои собственные предложения. Я вот подумал... **почему бы тебе не разрисовать** стены школьного зала?* [3, с. 18].

Уточним, что адресат может не только просто воздерживаться от совершения действия, но (чаще) и не предполагать о возможности его совершения или заведомо исключать его из предполагаемых вариантов:

*– Знаете, береженого бог бережет. **Почему бы вам не уехать** к отцу или к дяде? Уехать? – удивился Саша. – Я не вижу причин (Рыбаков).* Этим отчасти объясняется использование формального вопроса о причине (*почему*) в сочетании с частицей *бы*, привносящей, наряду с оттенком вежливости, оттенок желаемой необходимости совершения действия в пользу адресата, которую осознает адресант. Кроме того, исполнителем не обязательно мыслится адресат, это может быть и сам адресант, иницирующий предложение. Его готовность совершить действие в пользу адресата активизирует дополнительную когнитивную интенцию просигнализировать о своей заинтересованности в позитивном настрое адресата или успешной организации положения вещей вокруг:

*– **Почему бы нам не устроить конференцию с вашим докладом?** В самом факте такого **предложения была невысказанная, но подразумеваемая поддержка** (Каверин).*

В сербском языке для выражения косвенного предложения, адекватного вышеуказанному типу в русском языке, функционирует вопросительно-отрицательная конструкция с вопросительным словом *што*: **Што не се прошетате?** (Равно как и конструкции **Што се не бисте прошетали?** и **Што се не прошетате?**) Причем использование вопросительного слова *што* (а не *за што / почему*), как и СВ глагола в конструкциях с таким значением оказывается принципиальным. Как отмечает Т. Батистич, именно СВ при использовании соответствующей интонации указывает на вежливую просьбу или предложение, тогда как конструкции с НСВ (если это не прямой

ОСОБЕННОСТИ КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫХ ПОБУДИТЕЛЬНЫХ КОСВЕННЫХ
РЕЧЕВЫХ АКТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ)

вопрос) могут выражать укор, упрек. Сравним: – *Што не скуваши кафу?* и – *Што не куваши кафу?* Вопрос о причине с использованием *што* практически неактуален, что переводит рассматриваемую конструкцию в разряд конвенциональных косвенных директивов [1].

В болгарском языке в аналогичной ситуации функционирует две модели: *защо* + глагол в форме настоящего времени с отрицанием:

– <i>Защо не се срещнете със Захаров или със Саваков? Да им обясните, да кажете мнението си ... (Ангелов).</i>	– <i>В самом деле, почему бы вам не повидаться с Захаровым или с Саваковым? Объяснили бы им, сказали свое мнение (Ангелов).</i>
--	---

Защо + да-конструкция с отрицанием, которая в большей степени отражает побудительную интенцию высказывания:

– <i>Защо да не си поговорим сега? (Ангелов).</i>	– <i>Почему бы не сделать это сейчас? (Ангелов).</i>
---	--

Вопрос также является типизированной формой конвенционального косвенного побуждения категорического типа – требования, запрета. Довольно категоричны конструкции с вопросительными словами *что (чего)*, *где* и носят риторический характер:

– *Что вы стоите? – закричал Солыц. – Идите отсюда (Рыбаков).*

У выхода из магазина их ждала серая от злости Ира. – Где вы бродите? <...> Весь магазин 15 метров! А вы там целый час провели! (Экслер).

– *Шта сте се разгаламили! <...> Они се мало ућуташе (Ђосић).*

– *Гдје си ти, бога ти творца, тражим те већ пола сата?! (Ђосић).*

– *Право! Защо спиращ, дяволе? Защо задръстваши движението? (Гуляшки).*

Такие модели являются эмотивными. Адресант подчеркивает отсутствие причины не совершать действие, сигнализирует о своем эмоциональном состоянии, как правило, негативном (раздражении, недовольстве) и имплицитно побуждает не только совершить действие, но сделать это немедленно.

Примером конвенционального косвенного требования, запрета может служить особый случай косвенного побуждения, когда в РА закрепляется лексический состав. По мнению И. Б. Шатуновского, такие РА представляют собой «идиому в квадрате и как модель, и с точки зрения лексического состава» [5, с. 263]:

Сколько можно?! Сколько раз тебе говорить! Какое ты имел право ...?! – Мы ждем вашего решения... – Повременить... – Вы отдаете себе отчет? (Катериничев).

А ко си ти, чачкалицо академска, да хапсиш мене, команданта Подгорине?! Хоћеш да хапсиш, је ли?! (Ђосић).

– <i>Ти кой си бе и къде се нами-раш? Иди командувай у твоето село! (Гуляшки).</i>	– <i>Да ты кто такой и где находишься? Поезжай в свое село, там и командуй! (Гуляшки).</i>
--	--

Конвенциональными КРА со значением предписания или требования совершить действие являются вопрос-переспрос и вопрос-уточнение. Ситуация воспроизводится абсолютно адекватно в сопоставляемых языках и, соответственно, имеет языковые эквиваленты.

Вопрос-переспрос, реализуемый посредством лексемы *слышать* и формально уточняющий, слышал ли адресат реплику говорящего, косвенно побуждает адресата к обязательному выполнению предписания, т.е. передает настоятельный характер побуждения:

Тебе необходимо завершить свою работу. Слышишь, что я тебе говорю? (разг.). – Имаш писмо, Павле! <...> – Павле, чујеш ли? (Ћосић).

– Ще останеш за цял ден, чуваш ли? (Ангелов).

Вопрос-уточнение направлен на выяснение адресантом, расшифрована ли адресатом косвенная интенция высказывания:

Завтра ты обязательно должен сходить к врачу. Ты понял меня? (разг.).

– Чекај, нисам све рекао! Још једном ти понављам: твоја болест је паника! Разумијеш ли? (Ћопић).

А отгоре на тоа ще арестувам жена ти и децата ти и ще ги мџча, както тебе мџчих. Разбра ли? (Ангелов).

Используя подобные модели, адресант явно рассчитывает на способность адресата «считывать» и первичные, и вторичные интенции в области имплицатур. Такие РА демонстрируют совмещение интенции несогласия адресанта с адресатом и интенции требования изменить адресатом линию поведения.

2. Типология утвердительных КРА

Утвердительные КРА так же, как и вопросительные, могут носить конвенциональный характер. Особенно явно это иллюстрируют этикетные РА в случае вежливого отказа / пресечения действия адресата:

– Вы мне разрешите, – начал он, прощаясь. Она перебила: – Извините. Я очень признательна Вам, но ... <...> – Извините, – снова сказала она и улыбнулась (Каверин).

– На жалост, мораћу да вас напустим, госпођо Еване! – прекида разговор војвода Вукашин... (Капор).

Извинявайте, трябва да тръгваме (разг.).

Однако вряд ли можно обозначить четкие границы между конвенциональными и неконвенциональными РА, поскольку конвенциализация происходит постепенно. Так, в ситуации косвенного совета, когда адресант апеллирует к собственному авторитету, определяя линию поведения адресата, вводится лексический компонент *Я (бы) на твоём месте*, который становится маркером именно этой побудительной ситуации:

– Ты знаешь, а я на твоём месте не стала бы переходить в другой институт (Каверин).

Да сам ја на вашем месту, дигао бих руке од тога (Нехай).

Ако искате, постојте оџе малко. Но аз на ваше място веднага бих си отишъл (Хикмет).

Конвенциональными КРА являются констатация положения вещей посредством моделей с закрепленным лексическим составом в определенных директивных ситуациях. Например, в ситуации разрешения-предписания совершить невербальные действия:

*В дверь постучали. – Да-да. Вошел проводник с чаем (Пелевин).
– Свободни сте! Идите кућама и више да се не сретнемо овако. – Павле за-
прети руком и пође у кућу (Госић).
– Благодаря ви, че проявихте готовност. Свободни сте (Чавдаров-Челкаш).*

ВЫВОДЫ

Выявление и описание наиболее типичных способов косвенного выражения побуждения способствует расширению и уточнению информации о типах речевого поведения, о речевых стратегиях; установлению лингвистических и экстралингвистических маркеров, которые позволяют адресату адекватно интерпретировать побудительное намерение адресанта.

Побудительные КРА являются наиболее яркой и наглядной иллюстрацией механизма скрытого воздействия на коммуниканта с целью достижения акционального, ментального или эмоционального перлокутивного эффекта. Этим диктуется целесообразность описания специфики побудительных КРА в соответствии с их иллюкутивной целью в сопоставительном аспекте, в частности на материале славянских языков.

Список литературы

1. Батистић Т. Усмјеравање језичког описа од граматике до комуникацијске компетенције / Т. Батистић // Наш језик. – Београд, 1986. Вр. 27/12. – С. 3-37.
2. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
3. Москаленко Е. Н. Функционально-семантическое поле побуждения в современном русском языке : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Е. Н. Москаленко. – Таганрог, 1999. – 22 с.
4. Синтакса савременога српског језика. Проста реченица / П. Пипер и др. ; у ред. М. Ивић. Београд : Институт за српски језик САНУ : Београдска књига ; Нови Сад : Матица српска, 2005. – 1164 с.
5. Шатуновский И. Б. 6 способов косвенного выражения смысла: в т. ч. о феномене иллюкутивного самоубийства / И. Б. Шатуновский // Семантика и прагматика языковых единиц. – Калуга, 2004. – С. 262-274.

FEATURES OF CONVENTIONAL IMPERATIVE INDIRECT SPEECH ACTS (ON THE BASIS SLAVIC LANGUAGES)

Maslova A. Y.

*Philology Department, National Research Mordovia State University, Saransk, Republic of
Mordovia, Russian Federation
E-mail: al_mas@mail.ru*

The article surveys the issue of oblique expression of hortative intent. Hortative oblique speech acts prove to be an eloquent and vivid illustration of the mechanism of subtle influence on the communicant with the purpose of achieving accentual, mental or emotional perlocutionary effect.

In the compared Russian, Serbian and Bulgarian languages the methods of oblique expressing of hortative intent vary, which proves the fact of favouring oblique speech acts in the compared languages. The fact is explained by their meaningfulness, effectiveness, resultativeness in achieving a better politeness effect in conversation as well as their capacity of creating emotional effect.

The regularity of usage also provides for the process of conventionalizing of such oblique means. Set examples of speech and verbal behavior are repeated in the context and formed in speech practice, they mold into cultural stereotypes.

In the Russian, Serbian and Bulgarian languages oblique speech acts display their communicative and grammatical specifics expressing hortative meaning in the form of a question or statement. Both interrogative and affirmative speech acts may be of conventional or contextual character. This article presents the analysis of methods of implicit hortative influence in the Russian, Serbian and Bulgarian languages in comparative aspect through the example of conventional speech acts in the form of questions and statements.

The differences in forming the conventional oblique interrogative speech acts are well noticeable. In the Russian language the negative interrogative sentences in the meaning of polite request and offer are prevailing, which is none the same for the Serbian and Bulgarian languages.

The interrogative constructions with the modal components *хотеть/хтети/искаю* (hotet/hteti/iskam) have semantically and functionally different potential. While regularly realizing the meaning of 'offering performance of a certain action' in the compared languages, this construction has acquired a wider range of expressivity in the Serbian language as it may express either a polite request or request for the information concerning future action when the verb *хтети* (hteti) functions as an auxiliary one in the formation of the first future tense.

If compared to the Bulgarian and Serbian languages the Russian compressed constructions with diminutive explication of the object in offering an action strike as not quite typical. Such constructions are not characteristic of the Serbian and Bulgarian languages.

Affirmative oblique speech acts are also prone to conventionalizing. Nevertheless, if interrogative oblique speech acts are conventional in speech, the affirmative ones rather conventionalize in terms of usage. This is the assertion of a definite state of things through the models with set vocabulary.

Tracing and description of the most typical methods of oblique hortative speech acts provide for the detailed and broader studying of the types of verbal behavior and communicative strategies; setting linguistic and extralinguistic markers which allow the recipient to adequately interpret hortative intentions of the speaker.

Keywords: indirect speech acts, conventional speech acts, question, affirmation.